

ка пропущла и в словарь. Неправильной пунктуацией и типографским набором искажена концовка рассказа Л. Лаазервича (стр. 180). Последние две фразы должны принадлежать повествованию, а не речи персонажа рассказа.

Неудовлетворительно проведена в учебнике акцентуация словоформ и обозначение заударных долгот. Ошибки наблюдаются даже в образцах склонения и спряжения. Вот несколько примеров из таблиц: напечатано *xдѣ* (3 л. мн. ч.), должно быть — *xдѣ̄*; *мѡгу* (3 л. мн. ч.) — *мѡгѹ* (стр. 58); *рѹка* — *рѹка̄*, *зѣм.ьу* — *зѣм.ьу* (стр. 72); *градѡвѡ* — *градѡвѡ̄*, *мѣжеви* — *мѣжеви* (стр. 122); *нѣсао*, *нѣсали* — *нѣсао̄*, *нѣсали* (стр. 142); *ѡна* (ср. мн. ч.) — *ѡна̄* (стр. 142); *бѹдем*, *бѹдеш* и т. д. — *бѹдем̄*, *бѹдеш̄* и т. д. (стр. 152); *нѡсѡх* — *нѡсѡх̄* (стр. 174); *бѣло*, *бѣла* — *бѣло̄*, *бѣла̄* (стр. 186—187).

В таблице на стр. 167 неправильно обозначено ударение падежных форм существительного *ѡно̄*. При склонении этого слова (и многих других однопольных

заимствований) ударение перемещается на конечный гласный основы: *ѡѡѡа*, *ѡѡѡу* и т. д. Наблюдается несоответствие акцентуации слов в текстах и в словаре (ср. существительное *бицикл* на стр. 132 и в словаре на стр. 248). Очень непоследовательно обозначен перенос ударения на проклитики, например, на отрицание *не*.

Оценивая учебник, нельзя забывать, что его авторы были лишены возможности использовать опыт предшественников. Они первыми в СССР подготовили пособие по сербско-хорватскому языку, в котором материал систематизирован в соответствии с требованиями практического курса языка. Нет сомнения, что труд И. В. Арбузовой, П. А. Дмитриева и Н. П. Соколя будет способствовать совершенствованию преподавания и изучения сербско-хорватского языка в университетах и других вузах СССР и значительно облегчит работу преподавателей и студентов.

В. П. Губков

И. УМЛЕНСКИ. *Кюстендилският говор*. (Грудове по българска диалектология, кн. I). София, изд-во на БАН, 1965, 282 стр.

И. УМЛЕНСКИЙ. *Кюстенбилский говор*

В настоящее время в Болгарии ведутся интенсивные диалектологические исследования. Сектор диалектологии Института болгарского языка Болгарской академии наук под руководством проф. Ст. Стойкова осуществляет с помощью преподавателей и студентов филологического факультета Софийского университета систематическое изучение говоров. Собрано уже большое количество материалов по лингвистической географии, опубликован первый и печатается второй том Болгарского диалектного атласа. Наряду с этим проводится и тщательное исследование говоров отдельных групп сел, отдельных областей.

В 1965 г. сектор диалектологии порадовал нас первым томом новой серии диалектологических монографий. Это — монография И. Умленского, посвященная диалектной характеристике бывшей Кюстендилской околии, входящей по новому административному делению Болгарии в состав Кюстендилского округа.

Следует внимательно проанализировать достоинства и недостатки монографии И. Умленского, так как она не только представляет источник новых сведений по болгарской диалектологии, но и показывает методологическое состояние диалектологических исследований в Болгарии (а отчасти, и в других славянских странах).

Работа состоит из 8 разделов. В первом, самом объемистом, разделе охарактеризованы современные фонетические особенности говора. Они описываются

через сопоставление с соответствующими фонетическими явлениями старославянского языка (иногда — современного литературного языка; см., например, о мягкости согласных на стр. 42). Надо отметить, что в этом разделе собрано много интересных сведений о фонетике говора, и это является, безусловно, большим достоинством монографии.

Второй большой раздел монографии содержит сведения о морфологических особенностях говора. Здесь автор старается провести принцип дифференциального описания морфологии говора: описывать те явления, которые отличают говор от литературного языка. За основу взят литературный болгарский язык, характеризующие диалектные явления соотносятся с явлениями, свойственными литературному языку.

В описании синтаксических явлений, составляющем третий раздел, также предполагается соблюдение дифференциального принципа.

Четвертый раздел посвящен характеристике лексики и словообразования. В пятом дается общая характеристика говора (точнее, каждого из его подговоров).

Шестой раздел составляют тексты. Их много, они хорошо подобраны, интересны, записаны добросовестно, точно (обозначается, например, ударение и на акцентуированных односложных словах; это, к сожалению, соблюдают не все диалектологи) и дают богатый материал, дополняющий описание.

Большой интерес представляет и седьмой раздел — словарь говора, включающий около 3500 слов, отобранных также на основе дифференциального принципа (слова, характерные для кюстендилского говора). И, наконец, восьмой раздел — «Фразеология» — представляет читателю 67 характерных для говора выражений.

В предисловии и введении характеризуется работа по сбору материала и подготовке описания, характеризуются районы Кюстендилской околии, излагается история этого края, указываются общие черты кюстендилского говора и определяются его границы. К работе приложен список сел околии и список использованной литературы.

Мы хотим остановиться не столько на ошибках и пропусках, допущенных автором монографии (И. Умленский — опытный диалектолог, много и успешно работающий в области диалектологии, а пропуски и отдельные слабости неизбежны в каждой диалектологической работе), сколько отметить некоторые особенности монографии, вызывающие теоретические возражения.

Рассматриваемая монография озаглавлена «Кюстендилский говор». По замыслу автора, книга должна дать полное представление об одном из болгарских диалектов. И действительно, И. Умленский стремится организовать свой материал как наблюдения над одним отдельным диалектом. Однако и само описание (автор подробно характеризует диалектные различия на территории Кюстендилской околии), и карты (их в работе 12), содержащие лингвогеографические данные об исследуемых явлениях, говорят об очень сложном переплетении изоглосс, которое даже поверхностный взгляд выпущден оценить как отсутствие диалектного единства на территории бывшей Кюстендилской околии. А при внимательном анализе изоглосс, описанных И. Умленским, еще более усиливается впечатление, что термин «(отдельный) говор» (=«диалект», в болгарском языкознании) по отношению к описываемым в монографии явлениям может быть использован лишь с большой натяжкой. Довод, приводимый автором в защиту отдельного, самостоятельного кюстендилского говора (соображения «удобства», см. стр. 17), звучит более чем неубедительно.

Очевидна необходимость более серьезного теоретического обоснования термина «один (отдельный) говор» (=«диалект»). Мы и остановимся на этом обосновании как по общетеоретическим, методологическим соображениям, так и по совсем конкретным причинам: наши наблюдения о распространении диалектных особенностей на территории соседней Станкедимитровской околии лишь с большим трудом можно привести в соответствие с

представленным об одном отдельном диалекте, которое дает И. Умленский о говорах в Кюстендилской околии¹. Это, разумеется, ни в коей мере не означает, что исследование И. Умленского бесполезно для болгарской, южнославянской, даже общеславянской диалектологии или для истории болгарского языка. Значение его работы в том, что она дает относительно компактные сведения о сравнительно мало исследованных до сих пор областях болгарской языковой территории.

Обычно, когда диалектолог говорит о ярко выраженном диалектном единстве той или иной области, он имеет в виду, что количество изоглосс, пересекающих эту область и разделяющих ее на под-области, незначительно, в то время как на границах области количество параллельно идущих изоглосс много больше. Едва ли найдутся диалектологи, которые не согласились бы с утверждением, что густой пучок изоглосс, идущих параллельно, представляет более весомую в диалектологическом отношении границу, чем единичная изоглосса или пучок, состоящий из двух-трех параллельных изоглосс. Карта № 10 на стр. 165 показывает нам именно такой значительный, состоящий из 8 изоглосс пучок, разделяющий территорию исследуемой области на две части: северную, к которой отходит и северная часть местности Пянец, и южную — южная часть местности Пянец. Граница же между кюстендилским и станкедимитровским «говорами» проводится Умленским даже не на основании одной изоглоссы с направлением север — юг, а на основании явления, так сказать, «точечного» характера: различий в говорах отдельных пограничных кюстендилских сел и ближайших к ним станкедимитровских. Так, к северу от пучка изоглосс, изображенного на карте № 10, Умленский называет как явления, различающие два отдельных говора: 1) в северных пограничных селах Горна Граштица, Таваличево и Лиляч и ближайших к ним станкедимитровских сел Горна Козница, Долна Козница и Коркина — кюстендилское сочетание *мн* и станкедимитровское *вн*, а также различие в окончаниях действительного причастия прошедшего времени *-е/-и* (надо отметить, что изоглоссы *мн/вн* и окончания причастий *-е/-и* проходят через всю территорию Кюстендилской околии; почему же там они не квалифицируются как граница между «говорами»?); 2) южнее, между пограничными кюстендилскими говорами сел Эремия и Дримохар и ближайшими станкедимитровскими селами Мрводол, Пастух и Вуково кюстен-

¹ См. Н. Котова. Наблюдения върху диалектного разнообразие в Станкедимитровско. — «Език и литература», 1960, № 4.

дильский и станкедимитровский «говоры» разграничиваются уже другими явлениями: окончание 3 л. мн. ч. имперфекта *-ха/-ше* (однако автору следовало бы обратить внимание на то, что и в местности Пиянец известно *-ше*; см. стр. 109), ударение в глагольных формах *да доведёме/да доведёме*, различия *вбша/вбшка*, *зимоска/зимаска*, *сбба/одайá*; 3) к югу от пучка изоглосе, отмеченного на карте № 10, явления, разграничивающие кюстендилский и станкедимитровский «говоры», оказываются опять ширмы, также и между селами Ваксево — Скрипо различия одни, а между селами Црварца, Илија — Црвище, Фролош различия другие.

Иными словами, на востоке И. Умленский не может указать ни одной изоглоссы в направлении север — юг, определяющей границу между кюстендилским и станкедимитровским «говорами» по всему протяжению административной границы между околиями. Различия, которые он указывает, — это различия между диалектными единицами самого низкого ранга: диалектные особенности в отдельных селах, оказывающихся к тому же по разные стороны той или иной общей изоглоссы. Но Умленский игнорирует эти изоглоссы, не давая им целостной оценки. А ведь абсолютно все указанные им пограничные различия дают изоглоссы, проходящие через кюстендилскую территорию (см. карту № 10, также стр. 23, 37, 171). Так, пучок изоглоссе между кюстендилскими селами Ваксево, Смолчено и более северными селами Пиянца мог бы дефинировать новый говор или, по крайней мере, диалектную единицу более высокого ранга, чем говор отдельного села. Автор же на основании разрозненных, единичных явлений проводит границу между самостоятельными «говорами», а отмечая различия в явлениях, проходящие через всю территорию Кюстендилской околии, не всегда находит возможным говорить даже о «подговоре», не оценивает те же самые явления как границы между отдельными говорами.

Автор, кроме того, не принимает во внимание и тот факт, что изоглоссы, проходящие через Пиянец в направлении запад — восток, продолжают и к востоку от Кюстендилской околии, на территории Станкедимитровской околии, разделяя ее на части. Так, продолжается на восток самая северная изоглосса на территории Пиянца — *бдим/бда*; она отделяет Разметанцу и Горно поле от местности Долно поле и Рилской долины. Большая часть изоглоссе компактного пучка (карта № 10) в их восточном продолжении берет направление на юго-восток и проходит южнее: *зимаска/зимоска* (отделяет Разметанцу, Горно поле и Долно поле без его южных сел от Рилской долины и южных сел в Долно поле), *че/ке* (к области *ке* отходит только Рилская

долина и юг местности Долно поле), *мбч-ки/прéг'е*. Еще южнее проходят изоглоссы *вук*, *вўна/вўк*, *вўна*, *кбп'о/коне*, *черёша/чреш'а*.

При учете этих изоглосс и их направления становится ясным, что установление границы между диалектами на основании сравнения диалектных особенностей ближайших сел по обе стороны административной границы вряд ли правомерно. Учитывая всю протяженность изоглоссы, правильнее было бы, например, считать, что различие *че/ке* — не граница между кюстендилским и станкедимитровским «говорами» (Ваксево/Скрипо), а что изоглосса *че/ке* отделяет северный Пиянец, Долно поле (без южных сел), Разметанцу и Горно поле от южного Пиянца, Рилской долины и благоевградской территории. Ваксево и Скрипо — только пункты, оказавшиеся по разные стороны общей горизонтальной изоглоссы: «вертикальной» границы между ними нет. Следовало бы говорить об общих для Кюстендилской и Станкедимитровской околий горизонтальных изоглоссах с направлением запад — восток, юго-восток, дающих общие границы диалектных явлений на территории обеих околий и разделяющих обе околии на диалектные области. Что касается диалектных границ в направлении север — юг, то возможно, что параллельно административной границе между околиями можно найти и такие изоглоссы (можно было бы, например, проверить различия *сбба/одайá*, *погáнец/мбш*, *пр'тено/бáло*), но, очевидно, это будут изоглоссы отдельных лексем.

И. Умленский показывает и другой пучок изоглосс на территории Кюстендилской околии, выделяющей местность Крапште, но говорит о «подговоре» кюстендилского «говора». Остается неясным, идет ли в этом случае речь о более существенных различиях, чем различия, отмеченные первым пучком изоглосс. Умленский не дает оценки изоглосс по степени их важности, в то время как диалектологи обычно привыкли разграничивать изоглоссы более существенных или менее существенных явлений. Умленский не дает и оценки количества изоглосс. Тем не менее, он, очевидно, различает более важные и менее важные изоглоссы, если два — три различия разделяют «говоры», а пучок изоглосс — «подговory». А если взглянуть на карту № 9 (стр. 162), представляющую собственно кюстендилский («сбшнский кюстендилский») говор, то создается впечатление, что изображенная на этой карте паутина изоглосс вообще не дает возможности говорить о едином говоре, если в сознании автора не существует представления о незначительности этих изоглосс.

К сожалению, в монографии нет диалектной карты всей Кюстендилской околии, где были бы прослежены изоглоссы

во всей их протяженности на территории исследуемой области. Карты же отдельных «подговоров», где та или иная изоглосса доведена только до установленной предварительно границы местности, вызывают некоторые недоумения. Неясно, например, каково продолжение на территории собственно кюстендилского говора указанной на карте № 10 изоглоссы *м/вн*, указанных на карте № 9 изоглоссы *купѣвам, купѣм/купѣм, плетемѣ, трпимѣ/плетѣме, трпиме* — на территории Пиянеца (эти изоглоссы следовало бы довести до государственной границы). Если же изоглоссы не продолжают на территории соседних «подговоров», они должны были бы отграничивать замкнутые районы. Неясно и положение с изоглоссой *чрѣшн'а/чрѣша*, обозначенной и на территории собственно кюстендилского говора, и в местности Пиянец, но с различным направлением в каждом подговоре. Вероятно, она соединяется между селами Богослов и Нобо село, но из карт это не становится очевидным.

Другими словами, и при характеристике отдельных «подговоров» наблюдается дробление диалектных явлений в зависимости от установленных заранее границ отдельных районов, чувствуется влияние заданных предварительно, лингвистических границ. Диалектная карта всей исследуемой территории, возможно, помогла бы автору прийти к более правильным выводам относительно единства или диалектной раздробленности описываемой территории и к более верной оценке связей с так называемым станкедимитровским говором.

Из сказанного ясно, что нельзя описать монографически всю диалектную картину в Кюстендилской околии, не установив иерархии изоглосс. В следующих томах серии желательно было бы дать какую-либо иерархию изоглосс, стремиться к большей последовательности в проведении изоглосс, чтобы прийти в конечном итоге к свободной от субъективных элементов диалектологической дефиниции различия между «говором» и «говором», «говором» и «подговором», «подговором» и «подговором», между менее значительными диалектными явлениями в отдельных населенных пунктах.

Так, несомненно более значительными, более весомыми являются изоглосса *ф/в*, изоглосса, показывающая различное произношение звука *л*, изоглоссы *че/ке, одим/ода*, чема различия *вѣшка/вѣшка, зимѣска/зимѣска* (фиксирующая произношение ст.-сл. ѣ только в этих словах), *тѣчки/нрѣ'е*, отмечающие, по мнению Умленского, границу со станкедимитровским говором.

Если учесть, что из 28 указанных Умленским на стр. 14—16 диалектных черт, общих или широко известных на кюстендилской территории, по меньшей мере

23 являются общими или широко известными и на территории Станкедимитровской околии, то при введении иерархии изоглосс и учета их количества станет явным, что нет никаких оснований говорить о границе между кюстендилским и станкедимитровским «говорами» и вообще дефинировать эти два отдельных говора. На территории обеих околий разграничиваются диалектные единицы одного ранга (Разметаница, Горно поле, Кюстендилско поле и др.). Если принята иерархия изоглосс покажет, что различия между этими диалектными районами дефинируют «подговоровы», можно будет говорить о юго-западном (или кюстендилско-станкедимитровском) говоре с различными подговорами. Если же различия окажутся достаточными для дефиниции «говоров», можно будет говорить о юго-западной группе говоров (говор Разметаницы, говор местности Горно поле и др.).

Иерархия изоглосс позволила бы различными способами картографировать диалектные различия: более важные — обозначать более жирными линиями, менее существенные — более тонкими линиями. Можно было бы более важные явления обозначать цветом, который используется в географических картах для высоких поверхностей. В таком случае лингвогеографическая карта областей, подобных исследуемой Умленским, покажет не просто сеть линий, а рельеф, создаваемый более важными и менее важными различиями.

Вторая важная особенность описания, вызывающая сомнение, — это сформулированный Умленским принцип описывать при характеристике говора только те явления, которые отличают говор от литературного языка. Бесспорно, необходима некоторая отправная точка, из которой можно исходить при диалектологических исследованиях, но дифференциальный метод описания диалектов создает неудобства вследствие того, что читатель часто остается в неведении, совпадает ли то или иное явление, не описанное в исследовании, с соответствующим явлением в литературном языке, или же оно случайно опущено при описании.

Дифференциальный подход к материалу, естественно, ярче всего проявляется в описании языковых явлений, отличающихся большим многообразием: в описании некоторых разделов морфологии, синтаксиса, лексики. Именно здесь возникает больше всего недоумений и неясностей. Так, например, из-за отсутствия характеристики общего с литературным языком предлога *от* остаются неясными отношения этого предлога с предлогами *ис* и *нис*; неясно, насколько употребительны в говоре отлагольные существительные с *-н'е* (о том, что они известны говору, можно узнать из параграфов о множественном числе существительных). Осо-

бенно же много вопросов возникает по поводу лексиксы. Например, в словаре говора не указывается глагол *викам*, известный и в литературном языке. Можно сделать вывод, что он по значению и употреблению тождествен *викам* литературного языка или что он в говоре вообще не известен. Однако тексты свидетельствуют о его наличии в говоре (текст № 1 на стр. 190, текст № 4 на стр. 192 и др.). Каково же его отношение к литературному *викам* и можно ли говорить о полной тождественности, если в говоре широко употребляется и глагол *бкам*? Неясно и то, как называются в говоре «губы»: в литературном языке известны два слова — *устни* и *бърни*; считать ли, что и в говоре известны оба слова или употребляется лишь одно из них, но какое? Подобные вопросы возникают и по поводу литературных дублетов *бакър* и *медник*, *котел*; *брадва* и *секира*, *мърдам* и *шавам*, *кладенец* и *бунар* и мн. др.

Конечно, и при установке на характеристики системы языка, и при регистрации явлений, известных и литературному языку, неизбежны пропуски, но можно с уверенностью сказать, что их будет меньше, а информация о говоре будет более определенной.

С другой стороны, несмотря на дифференциальный подход, в работе часто характеризуются явления, свойственные и литературному языку. Так, например, отмечаются общеизвестные формы вопросительных и отрицательных местоимений, в списке наречий указываются *гбре*, *наблизо*, *вече*, *веднага*, *вечертá*, *скбро*, *снбштити*, *тамán* и др., в списке суффиксов приводятся (и даже без «специфических» диалектных примеров) *-ко*, *-чо*, *-ишкёр*, *-йчка* и др. Особенно же много отступлений от дифференциального метода в разделе о синтаксисе. Употребление сказуемого в единственном числе при двух подлежащих, определения в единственном числе при нескольких определяемых, использованье форм настоящего абсолютного времени, форм аориста со значением неизбежного будущего действия, двойных форм дополнения, нечленных форм адвербиализованных существительных так же, как и многие другие явления, описанные на стр. 130—145, широко известны и в литературном языке.

Как видно из монографии, вполне квалифицированный диалектолог, бесспор-

но хороший знаток описываемых фактов. И. Умленский оказался не вполне последовательным в своем «отталкивании» от литературного языка. А при характеристике явлений синтаксиса вообще трудно представить, как будет реализован дифференциальный подход при большом синтаксическом разнообразии болгарского литературного языка. Очевидно, отправную точку здесь следует искать все же в литературном языке, но не с целью устранения из описания одинаковых для диалекта и литературного языка явлений, а с целью установления иерархии для включения или невключения того или иного факта на основе статистических данных о распространении явления или вероятности его появления в литературной, письменной языковой практике. Осуществляемые в настоящее время в Математическом институте Болгарской академии наук и на филологическом факультете Софийского университета совместные статистические исследования болгарского литературного языка дадут возможность осуществить такую иерархию.

Несколько замечаний редакционного характера. Досадно обнаруживать в интересной монографии неясные или явно неудачные термины и формулировки, как, например, «небрежное артикулирование» («слабаво учленение»), которым, кстати, объясняются изменения гласных различного характера (стр. 34—35), «изменение гласных вследствие других причин» (без указания этих причин); неуместна по отношению к современному говору и формулировка «степени корневых гласных» (стр. 35). Можно было бы уменьшить и количество неточностей и противоречий в описании фактов, например: по утверждению автора на стр. 26, в говоре неизвестен мягкий звук *н'*, а на стр. 46 в примерах он отмечен; на стр. 36 сообщается, что звук *в* перед *й* смягчается, а в примере *замáвйам* он обозначен как твердый и др.

Монография И. Умленского — хорошее начало, которое должно быть отмечено. Вслед за нею вскоре вышла в серии «Трудов по болгарской диалектологии» интересная работа М. Младенова «Ихтиманский говор» (София, 1966), которая заслуживает специального рассмотрения.

Н. Котова